

Лауреат премии
«Золотой РосКон»

Читайте в серии:

«Повелители Вселенной.

Лауреаты премии Bookscriptor»

Денис Калдаев «Семь миллионов сапфиров»

«Повелители Вселенной.

Лауреаты премии «Новые горизонты»

Андрей Лях «Челтенхэм»

«Повелители Вселенной.

Лауреаты премии «Золотой РосКон»

Марина и Сергей Дяченко «Пандем»

«Повелители Вселенной.

Лауреаты премии «Золотой РосКон»

Олег Дивов «Ночной смотрящий»

Александр Громов

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г87

Разработка серийного оформления
А. Ивановой

Громов, Александр Николаевич.

Г87 Крылья черепахи / Александр Громов. — Москва : Эксмо, 2019. — 384 с.

ISBN 978-5-04-104460-2

Кто сказал, что человеческая жизнь — это высшая ценность?

Кто сказал, что человек — хозяин Земли?

Не придут ли однажды в наш «земной» дом истинные хозяева? Те, что не считают человеческую жизнь высшей ценностью — и способны в любую секунду сказать нам: «Подите вон!»

Уйдем ли мы тогда?

Возможно.

Но — зачем крылья «черепахам», рожденным на Земле, накрепко связанным с ней?!

Возможно, мы уйдем. А возможно — и нет!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-104460-2

© Громов А.Н., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В лунном сиянии снег серебрится...

События, рассказанные Виталием Мухиным

Глава 1

Дом. Самый обыкновенный дом, не большой и не маленький, еще не дряхлый, но уже далеко не новый. Сосновый брус, из которого сложены стены, давно почернел бы от времени, не будь он выкрашен снаружи веселенькой кремовой краской. В июле, когда на небе ни облачка и солнце нещадно палит, сквозь неприметные трещины в слоях краски то здесь, то там начинают проступать янтарные капли смолы, будто дом говорит хозяевам: «Смотрите! Я честно служу, я держусь молодцом, я еще совсем не стар, я почти молод...» И хозяева улыбаются, зная: это правда, так оно и есть.

Дом думает, что он один. Он никогда не видел себе подобных. Он стоит в большой, плоской, как стол, долине, со всех сторон окруженной грядами холмов. Других жилых строений поблизости нет. По узкой прямой полосе асфальта, проложенной через долину прямо перед домом, изредка проносятся металлические эрзацы домов, снабженные

колесами. И, хотя они гораздо меньше дома, хотя от них неистребимо несет бензиновой вонью, дом снисходителен к ним, как к непутевым младшим братьям.

Дом у дороги.

Лохматая собака прячется от жары в тени сарая, где стучит дизель-генератор, и, вывалив на сторону длинный язык, часами ждет очередную машину только для того, чтобы поднять уроненную на лапы голову, проводить взглядом промчавшееся мимо четырехколесное чудище и, может быть, поворчать ему вслед. Такое развлечение случается не каждый час. Еще реже какой-нибудь водитель остановит автомобиль около дома и зайдет промочить горло холодным лимонадом или слабоалкогольным пивом, купить сигарет, а то и просто спросить, не ошибся ли он случайно дорогой и действительно ли Дурные земли начинаются уже вон за теми холмами. Тогда навстречу гостю выходит хозяин, если в данную минуту он не работает в поле, и радушно предлагает недолгий, но приятный отдых и небогатый выбор полезных в дороге товаров. Цены у него вполне умеренные.

Случайный проезжий может получить и ночлег, но только в том случае, если он чем-либо симпатичен хозяевам. Деньги никому не мешают, но превыше всего хозяева ценят свободу. Поэтому две комнаты, предназначенные для гостей, как правило, пустуют.

Хозяева — муж и жена. Ему около сорока, он здоров, крепок, с сильными натруженными руками и упрямым загорелым лицом, но в его глазах иногда проглядывает что-то безмятежно-детское.

Он был почти вдвое моложе, когда пришел в эту долину и сам построил свой дом. Она — чуть моложе его, миловидная, с добрым сердцем и спокойным характером. Еще у них есть дети: сын семнадцати лет и шестилетняя дочь. Семья имеет трактор с набором приспособлений для различных полевых работ, маленький комбайн и редко используемый автомобиль в гараже. Скота они не держат, но у них есть две верховые лошади, для которых построена специальная конюшня, утепленная брикетами соломы, потому что зимы в долине бывают настолько холодными, что выпавший снег иногда не сходит по три дня. Животные ухожены, постройки крепкие, а работы в поле всегда производятся тогда, когда нужно.

На стене в гостиной висит магазинная гладкостволка на пять патронов. Сейчас она, естественно, не заряжена. Осенью и весной над долиной пролетают гуси, и тогда мужчина, взяв собаку, уходит пострелять. Ему не очень нравится убивать птиц, и он не огорчается промахам.

Мужчина и женщина почти никогда не выезжают за пределы своей долины, да и зачем? Они счастливы и тут — можно даже сказать, что они счастливы именно потому, что отгородились от окружающего шумного мира цепочкой холмов. С детьми — сложнее. Сын добросовестно помогает отцу, но хочет уехать в город учиться на врача или адвоката, и родители знают, что скоро так и произойдет. То, что для старших свобода, для младших — клетка. Юноша вполне самостоятелен и согласен принять деньги для оплаты первого семестра лишь в долг — он собирается учиться и

подрабатывать. Для родителей дело, конечно, не в деньгах: они подозревают, что птенец, покинувший гнездо, никогда уже не вернется в него. Им немного горько, но до отъезда сына еще почти целый год, а за это время многое может произойти.

Дочь пока еще не ходит в школу (вернее, ее пока туда не возят — до школы в ближайшем городишке полчаса езды), но уже умеет читать и писать. И еще она очень любит кататься на настоящей лошади и играть с котенком. Полосатый котенок сам прибежал откуда-то, наверное, из Дурных земель, голодный и жалкий. Поначалу он очень боялся лохматого пса, но теперь подрос и уже не боится. Он с удовольствием играет с девочкой, но еще больше любит охотиться на мышей, что шуршат на сеновале, и верит, что когда-нибудь поймает хотя бы одну.

Вот такой дом стоит у дороги, такие люди живут в нем. Их жизнь спокойна, размеренна и в общем безмятежна, хотя в ней иногда случаются и радости, и огорчения. Но огорчения со временем забываются.

Жена — романтик в душе. Она ничуть не чурается работы по дому и вместе с тем готова любоваться и первым снегом, и первым весенним ростком, проклюнувшимся из почвы, и первым шмелем, с гудением севшим на первый цветок. Иногда солнце, садясь за холмы, устраивает настоящее цветочное шоу, и тогда она зовет мужа полюбоваться вместе с ней. Вот и сегодня она говорит:

— Посмотри, как красиво. Красиво и страшно...

— Да, — отвечает муж, обнимая ее за плечи. Ему совсем не страшно.

— Какое зарево. Как будто Дурные земли горят...

— Да, — отвечает муж. — Это к перемене погоды. Завтра-послезавтра пойдет дождь.

— Кровавый дождь? Ты посмотри, небо, как кровь. Знаешь, по-моему оно разгорается...

— Оно не может разгораться. Солнце село. Тебе показалось.

— Нет, разгорается. Мне страшно...

Муж молчит, но крепче обнимает жену. Успокойся, родная, ничего страшного нет. Это только цвет, только небесные краски, необычные, очень красивые, немного грозные и совершенно безвредные. Успокойся, разве что-нибудь плохое может случиться с нами, с тобой и мной?..

И женщина успокаивается.

* * *

Я уже всерьез задремал, сдвинув набок шапку и создав таким образом амортизирующий буфер между головой и дребезжащим оконным стеклом, и даже успел просмотреть обрывок сна о доме в солнечной долине, когда водитель дал по тормозам. Автобус развернуло и повело юзом. Позади кто-то охнул на вдохе и загремела выпавшая в проход детская раскладушка. Меня приподняло и уронило животом на спинку переднего сиденья. Съеденный на станции пирожок запросился наружу, но не был выпущен.

Несколько секунд мы ползли вниз по шоссе, по укатанному снегу, по грязному ледку замерзших к

ночи луж, встав к оси шоссе ортогонально, или, как говорят моряки, лагом. Заняв все пространство от кювета до кювета — благо машин на дороге не было никаких, ни попутных, ни встречных. Затем шофер ухитрился выправить свой самобеглый костотрясный агрегат и заставить его остановиться. Автобус не доскользил туда, куда ему хотелось, но осветить — осветил.

Первая ассоциация — впереди в кромешной тьме заливали каток. Такая же вода, такой же клубящийся пар над нею. В следующую секунду я подумал, что мы чуть было не заехали в незамерзающий пруд, согретый промышленными сбросами, но и это предположение не выдержало самой поверхностной критики.

Шоссе уходило прямо в воду. Мелкая рябь у кромки подъедала уезженный снежок.

Водитель матюкнулся и полез из кабины. Окутанный туманом, подошел к самой воде, поскользнулся, замахал руками и избежал купания. Вернувшись назад, взгромоздился на свое сиденье — сыч сычом. Злобно хлопнул дверцей.

— Блин, оттуда ехал — не было этого...

— Совсем сухо было? — спросил я, не поверив.

— Лужа была. Большая, но лужа, а не эта хрень...

— Наверное, трубу какую-нибудь прорвало, — высказала предположение сухонькая бабуля, подобравшая свою раскладушку и крепко в нее вцепившаяся.

— Может, и трубу, — хмуро согласился шофер. — Ну вот что: я туда не поеду. Кранты. Как хотите.

— А может, проскочим? — бодро предложил я. — Ложбина вроде неглубокая.

— «Вроде»! — передразнил водитель. — Кому лучше знать, мне или тебе? Тут по уши. Зальет карбюратор — что тогда? Ждать, покуда вытащат? До утра? Это тебе не проспект.

В его словах был резон. В России, как известно, одна беда — дороги строят дураки. Я повертел головой туда-сюда. Чернота, и нигде ни одной фары. Потом сквозь лобовое стекло посмотрел на неуместный водоем, нагло преградивший нам путь. Или мне показалось, или кромка темной воды и впрямь мало-помалу приближалась к нам.

— Что делать-то будем?

— А что делать? Возвращаться в Радогду, и всех делов. Может, завтра доедете. Или на шоссе выйдете, а там ловите частника.

— Значит, объехать это можно? — с деланой небрежностью спросил я.

— Через Юрловку.

— Так в чем дело? Поехали.

— Сорок километров, и дорога дрянь. Двести рублей, — проявил водитель деловой подход. — Хотите — скидывайтесь, хотите — нет.

— Ох... — поморщилась бабуля. — А подешевле?

— Двести, — отрезал безжалостный шоферюга.

Четверых пассажиров (не считая меня и одного ребенка неплатежеспособного возраста) вполне хватило бы, чтобы устроить громкую бесполезную склоку на тему «раз рейсовый, значит, обязан», и весь народный гнев разбился бы без

толку о кровососа-водилу и форс-мажор местного значения. Не люблю склок.

Со вздохом я полез в бумажник.

* * *

— Так вам непременно в «Островок»? — недоверчиво спросила меня дежурная за застекленным барьером. Музицирующая радиоточка за ее спиной доверительно-хрипло сообщала, что ей нравится быть гитарной струною. Врешь, не выйдет.

— Непременно, — подтвердил я, протягивая в окошечко заполненную анкету, путевку и синюю книжицу Гильдии Беллетристов. В позапрошлом году Гильдия выбила в «Островке» одно постоянное место для своих членов, и меня специально предупредили, чтобы я ни под каким видом не соглашался ни на что другое. Референции об «Островке» были самые благоприятные.

Спрятав рот за ладошкой, дежурная дама зевнула затяжным зевком с легким прискуливанием.

— Пораньше приехать не могли?

Вопрос меня взбеленил. По своей, что ли, воле припозднился? Да и не так поздно еще было, часов одиннадцать.

— Пораньше не мог, — сказал я как можно суше.

— Ну, давайте ваши бумаги, — смилостивилась дежурная и раскрыла синюю корочку. — Хм, Мухин... Не слыхала. Вы известный?

— Маститый, — буркнул я.

Вокальный надрыв насчет гитарной струны смолк, и после малой паузы из радиоточки начал извергаться Киркоров. К этому моменту я был

готов вызвонить Мишку Зимогорова по мобильнику и прямо сказать ему, что я думаю о нем и о разрекламированном им «классном местечке» среди такой-то и сякой-то природы. Всякое терпение имеет предел.

Зря я рассчитывал попасть в санаторий засветло. Поезд опоздал. Не имею представления, какие препятствия встретились ему на пути — снежные ли заносы, экстренные ли составы с левым мазутом, пущенные по встречной колее, озлобленные ли неплатежами местные работяги, устроившие посиделки на рельсах, — но только последние километров двадцать до Радогды он тащился, как издыхающий червяк. Дернется, протянет немного и снова встанет. Отдохнет перед очередным поползновением, содрогнется — и опять...

К мелким превратностям жизни можно и должно относиться философски — но только в том случае, если после одной бутылки «Гжелки» на двоих с соседом по купе ты не влил в себя пару пива. Разумеется, проводница успела закрыть оба туалета еще до предсмертных конвульсий поезда и имела вид торжествующей добродетели. Жизнь, мол, не должна казаться пассажиру медом, и вообще здесь пригородная санитарная зона — да мало ли, что лес кругом! Все равно зона. Спорить и канючить, теряя лицо, я не стал — пока терпелось.

А когда железная дорога решила, что уже вволю натешилась над пассажиром, поезд вдруг закрипел, взвыл и в густеющих лесных сумерках, сбивая воздушной волной снег с еловых лап, рванулся вперед с такой прытью, будто увозил

золотой запас от колчаковской конницы. Через десять минут я уже выпрыгивал на низкую платформу, зорко высматривая: «где тут у них». «Тут у них» оказалось неподалеку, и это обстоятельство на время примирило меня с действительностью.

Ненужные, несущественные личные подробности, скажете вы — и ошибетесь. Мне лучше знать, что существенно, а что нет. Вот когда я, как мы договорились, передам слово другому — тогда он, другой, и будет решать, о чем поведать миру, а о чем и умолчать. Его право. Иное дело, что многое при всем желании не удастся скрыть или исказить — дополнят и подправят. Причем с большим удовольствием.

Что до меня, то в опоздании поезда я подозреваю некий предварительный симптом, а справедливо ли — не мне судить. Просто подозрение, не больше.

От Мишки Зимогорова, лечившего в прошлом году в «Бодрости» свою экзему и действительно вернувшегося менее шелушащимся, чем обычно, я знал, что от Радогды до санатория час езды рейсовым автобусом. Судя по криво висевшему расписанию, я имел все шансы успеть на предпоследний рейс, не опоздай поезд. Теперь приходилось ждать последнего — пятьдесят минут. Как ни удивительно, ни одного частника поблизости не наблюдалось, а впрочем, чего еще ждать от такой дыры, как Радогда? Тут и поезд-то стоит одну минуту — надо думать, исключительно из уважения к почтенному возрасту городка да к его знаменитым народным промыслам, среди которых, как выяснилось, напрочь отсутствовал частный извоз.

Небо было черное. Провинциальные немигающие звезды устрашающей величины не смотрели оттуда — тарасились. Во все зенки. Что мороз крепчал — это уж как водится. Март мартом, а ночью прихватит — не обрадуешься.

Дважды я бегал в станционный буфет отогреться, выпил стакан кофе и съел пирожок, однако все равно заоченел. Хмель вытянуло морозом начисто. Много ли надо озябшему для счастья? Только лишь увидеть, как, ломая хрусткий ледок примороженных луж, на крохотной привокзальной площади разворачивается давно не мытый «пазик», украшенный надписью «Радогда — сан. «Бодрость», и, достигнув остановки, визгливо распахивает дверь. Одну. Но разве мне надо больше?

Водила-кровосос, конечно, врал. Дорога через Юрловку оказалась вполне сносной. Во всяком случае, мой пирожок остался при мне.

* * *

По освещенной фонарями дорожке, сначала полого, а потом все круче спускающейся к речке Радожке, по дорожке, кое-где посыпанной песочком, к счастью, без соли, а кое-где скользкой, мимо вышки над скважиной для добычи местной минеральной воды, мимо двухэтажных белокирпичных корпусов санатория (так когда-то строили корпуса пионерлагерей, стандартный проект), мимо двухэтажной же столовой с пристроенным кинозалом (наверное, занятым под хозяйственные нужды — кто сейчас ходит в кино!) я дошел до горбатого мостика. Река была еще подо льдом, протока между правым берегом и островком,